

УРОКИ НОВОЧЕРКАССКОЙ ТРАГЕДИИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А.Шершуков

В 2022 году Лихачевские чтения для людей, занимающихся экономикой, политикой, социальной тематикой – это возможность в контексте исторических событий поговорить о сегодняшних проблемах. Так получилось, что на июнь в этом году приходятся и памятные исторические даты, и продолжающиеся «узлы» в политике и экономике, которые не развязаны, затягиваются все сильнее.

Лихачевские чтения-2022 проходят через несколько дней после памятной даты рабочего движения России. 60 лет назад в городе Новочеркасск 1-2 июня 1962 года волнения работников электровозостроительного завода завершились расстрелом демонстрации. Но это была развязка, точнее – часть развязки политической, экономической и социальной драмы. А завязка конфликта происходила в результате откровенных просчетов в планировании производства, системы расценок и политики цен в Советском Союзе периода позднего Хрущева. Если с одной стороны снизить расценки для работников на производимую ими продукцию, а с другой – повысить цены на мясо – эти ошибочные решения в комплексе становятся основой конфликта. А если плеснуть в этот конфликт бензина, как это сделал директор завода заявивший «нет денег на мясо – ешьте пирожки с ливером», то вспыхивает протест в виде, по сути, «русского бунта», описанного еще Пушкиным. А если вместо попыток переговоров власть прибегает к армии, то дело оканчивается трагедией, о которой помнят через 60 лет. 22 убитых на площади, около 70 раненых. И более ста человек, в отношении которых велись уголовные дела.

Какие исторические уроки следует помнить в отношении Новочеркаска? Последствия решений в экономической сфере нужно всегда рассматривать не только в части производства или финансов. Социальные результаты, последствия для населения и работников – это не второстепенные, а первостепенные показатели для оценки якобы непредвзятых, технократических решений. Следующий урок – это отсутствие реальной обратной связи, в результате которой можно оперативно либо отменить вредные решения, либо предотвратить наиболее негативные последствия. Когда формализм в управленческих отношениях или боязнь огорчить начальство становятся главенствующими в структуре, риск принять, а затем

реализовать неправильное решение становится максимальным. Но и на этом этапе худшее можно предотвратить. Третий урок Новочеркаска заключается в том, что неготовность к содержательному диалогу – заканчивается кровью. Приехавшие в 1962 году в Новочеркасск представители советского руководства вместо разговора с представителями протестующих, предпочли вызвать войска...

Значит ли сказанное, что события 60-летней давности мы можем рассматривать лишь как исторические, ушедшие в прошлое? И – что они не имеют никакого отношения к сегодняшнему дню? Не вполне.

События в Новочеркасске показывают, что даже в государстве, позиционировавшем себя как страну «рабочих и крестьян», трудовые отношения могли нести зародыш конфликта, который разрешался даже не переговорами, а стрельбой.

Следует поставить жесткий вопрос. Гарантированы ли мы сегодня, в современной России, от повторения новочеркасских событий? Мне представляется, что гарантии неповторения лежат не в сфере усиления административного или полицейского контроля. В том же СССР, который сегодня многие представляют исключительно какместилище положительных качеств, были и существенные ограничения в части свободы слова, и политическая полиция, и смертная казнь. Кстати, к смертной казни были приговорены несколько участников выступления в Новочеркасске, семь человек было расстреляно, а 103 получило сроки лишения свободы от 2 до 15 лет. Но даже эти формы контроля не предотвратили выступление работников.

Сегодня в ситуации радикального переформатирования экономических отношений России и с миром, и внутри себя, много говорится о необходимости выстраивания новых цепочек поставок, быстрой переориентации с Запада на Восток, внедрения технологий, которые являются ключевыми для воспроизводства современной техники. Государственные руководители говорят и вкладывают огромные государственные средства в импортозамещение. Вопрос ставится по сути о «новой индустриализации» страны. Но эти технологические и финансовые вопросы неразделимы с вопросами социальными. Когда в 30-е годы прошлого века в СССР проходила первая индустриализация и миллионы вчерашних жителей деревень переселялись в города, это процесс

сопровождался огромными вложениям государства в социальную сферу, обеспечивавшую этих людей. Включавшую не только обеспечение их жильем, едой и медицинскими услугами, но и ростом материальных доходов, повышением культурного уровня. Проблема сегодняшнего переформатирования экономики заключается в том, что «новая индустриализация» будет (если будет) проводиться в ситуации неопределенности, даже некоторой турбулентности, доходов работников. Прогнозы, которые выдают на перспективу, некоторые экспертные сообщества, и в том числе имеющие отношение к государству, говорят о возможном падении располагаемых доходов работников. С другой стороны, открытие новых предприятий, создание новых рабочих мест предполагает и увеличение фонда оплаты труда. Таким образом, можно констатировать, что сегодня сложилась странная ситуация и даже прогнозные оценки нужно учитывать с поправкой на патриотическую или космополитическую ориентацию эксперта. Что, конечно, не имеет отношения к научным оценкам. Тем не менее, уже сейчас понятна необходимость серьезного предварительного анализа не только предложенных экономических мер, но и их социальных последствий, их предварительной экологической проверки. Декларацию генсека КПСС Юрия Андропова, заявившего в свое время «мы не знаем общества, в котором живем», сегодня можно интерпретировать как «знание общества, которое вовлекается в процесс экономических изменений, должно воплощаться в конкретные меры по социальному развитию этого общества». И эти меры не могут ограничиваться только лишь поддержкой малоимущих. К сожалению, социальная политика государства делала акцент в последние годы, включая пандемийный период, именно на помощи семьям с детьми, малоимущих. За последние двадцать лет Россия немного отодвинулась от массовой работающей бедности. То есть от ситуации, когда большинство работающего населения находилось непосредственно у черты и за чертой бедности. Но в конце 2021 года 50 процентов работающих получали зарплату ниже 38 тысяч рублей в месяц. Что уровнем дохода среднего класса не является. При этом в отношении наиболее обеспеченных слоев общества лишь недавно и очень ограниченно начали вводиться элементы прогрессивного налогообложения доходов физических лиц. И если долгие годы нас пугали тем, что испуганный прогрессивным налогообложением капитал убежит за рубеж, то сегодня такая аргументация не работает. Бежать, слава богу, некуда. Вопросы социальной справедливости (уровня и соотношения доходов, вопросы

налогообложения, прав работников и профсоюзов) сегодня, в период экономических преобразований, равны по значимости вопросам технологического переустройства.

Не менее важен сегодня и вопрос обратной связи. На сегодня реакция власти на возможную негативную реакцию населения, работников инструментально реализовано на основе Центров управления регионами. Однако эти структуры являются для органов власти внутриуправленческими, в известной степени контролирующими сами себя. Ответ на старый казуистический вопрос «Кто стрижет парикмахера?» по сути дается в форме, решающей проблему отчетности, но не вполне эффективной для содержательного разрешения проблемы. Представляется, что больший эффект в части построения обратной связи на принимаемые решения может быть получен в результате построения институциональной опоры, базирующейся на организованных представителях работников – на профсоюзах. Построенная в России система социального партнерства, основанная на системе трехсторонних консультаций, регулярных переговоров и трехсторонних комиссиях – федерального и регионального уровня, организационно может стать основой для такой обратной связи. Но для этого власть должна ответить себе на вопрос: нуждается ли она в содержательном и позитивном мониторинге своих решений или только формальном одобрении своих действий? Последний вариант ответа, обращаясь к нашему прошлому, и был реализован во время трагических событий в Новочеркасске. И можно сделать вывод о его неэффективности – и для работников, и для государства. К сожалению, строительство институциональной основы для системы социального партнерства в последний год сталкивается с определенным противодействием. Зачастую государственные органы выступают с инициативами о ликвидации профсоюзной структуры – как например профсоюза адвокатов, или последовательно – от регионального до федерального уровня - выдвигая к национальному профцентру претензии, ставящие целью изъятие профсоюзной собственности. Претензии – перечеркивающие и документы, в свое время подписанные правительством страны, и нормы действующего законодательства, которые подвергаются произвольной трактовке. Социальная политика в стране и политика государства по отношению к структурам, которые реализуют и влияют на социально-трудовые отношения в стране, естественно должны руководствоваться одними и теми же подходами. Сюжеты в стиле «мы даем

вам медаль за работу и сразу же за эту работу арестуем», более характерные для Салтыкова-Щедрина, не могут считаться нормальными для социально ориентированного государства.

Но даже внедрение вышеназванных механизмов предварительной экспертизы и последующего контроля не является абсолютной гарантией сохранения социального мира и развития. В сложных системах, к которым относится современная экономическая и социальная система России, конфликты неизбежны. Но, как говорил сыщик Глеб Жеглов из фильма «Место встречи изменить нельзя», «правопорядок в стране определяется не наличием воров, а умением властей их обезвреживать». Другое дело, что такая постановка вопроса предъявляет иной уровень требований к качеству работы правоохранительных органов. Включая окончательный разрыв с практикой 90-х годов, когда и следователи, и прокуроры зачастую выступали как инструмент в хозяйственных разборках и перераспределении собственности. Сейчас этого разрыва, как представляется, еще нет.

Но это, что касается имущественных или хозяйственных дел. В случае же возникновения социальных или трудовых конфликтов всегда встает вопрос их максимально быстрого купирования и разрешения. Конечно, огромную роль здесь играют методы медиации, которые, к слову сказать, профессионально изучаются и внедряются факультетом конфликтологии СпбГУП. Но и здесь нельзя недооценивать роль постоянного содержательного диалога, который во время уже происходящего конфликта обязаны продолжать стороны социального партнерства. Ответственность сторон в этом случае заключается в том, чтобы, не сваливаясь во взаимные обвинения, оперативно найти способ «расшивки» конфликта.

Новочеркасск – это не только история. Сегодня социологические опросы показывают низкий протестный потенциал населения и работников России. Но было бы большой ошибкой считать, что такая относительно спокойная ситуация не может измениться в другую сторону. Гарантией от социальных взрывов может быть не самоуспокоенность или надежда на взаимную ответственность власти, бизнеса и работников. Только продолжающийся содержательный, а не формальный, социальный диалог, основанный на работающих институтах социального партнерства может служить предохранителем. Речь не о «клапане для спуска пара» - такое определение звучит немного унижительно для всех сторон переговоров. Речь о

предотвращении проблем и содержательном, не имитационном, их разрешении. В этом и заключается главный урок Новочеркаска для современной России.